

Клинов В.Г. Россия XIX века: актуальные аспекты развития экономической мысли и народнохозяйственной политики / В.Г. Клинов // Мировое и национальное хозяйство. – 2009. – №2.

В.Г. Клинов

**Россия XIX века:
актуальные аспекты развития экономической мысли
и народнохозяйственной политики**

Цвайнерт Й. История экономической мысли в России, 1805-1905 / Перевод с немецкого под научной редакцией Автономова В.С. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. – 411 с.

Корнейчук Б. Экономические воззрения М.И. Туган-Барановского. – СПб.: Наука, 2008. – 336 с.

Возвращение России на капиталистический путь экономического развития в конце XX века стимулировало осмысление особенностей эволюции народного хозяйства страны до становления в ней централизованной административной системы управления. Значительное число монографий немецких авторов по русской экономической истории, опубликованных в первом десятилетии XX века (1, с. 11), наглядно свидетельствует об интенсивности интереса к этой проблеме.

Анализ ограниченного, но поучительного и основательно забытого исторического опыта развития российского капитализма может помочь в попытках найти объяснение и пути решения экономических проблем современной России.

В экономической истории XIX век примечателен прогрессирующим отставанием России от стран, вставших на путь индустриализации после промышленного переворота в Великобритании (конец XVIII - начало XIX веков). Последствия такого отставания ознаменовались поражением российской армии в Крымской войне 1853-1856 гг., отменой крепостного права в 1861 г., а также запоздалым началом индустриализации, что обернулось трагическими последствиями для судеб страны в XX в.

В XIX в. зарождаются два направления российской экономической мысли. Истоком одного течения стали западники, как проводники либеральных, передовых для своего времени, идей классической политэкономии. Основы другого заложили славянофилы, чьи взгляды отражали специфику русских традиций мышления, базирующихся на идеологии православия.

Либеральное течение экономической мысли, несмотря на попытки приспособить передовые достижения западных экономистов-теоретиков для решения актуальных проблем развития народного хозяйства России, не имело сколько-нибудь широкой общественной поддержки. Лишь когда их идеи находили опору в лице верховной власти, они могли оказать реальное прогрессивное влияние на экономику. Идеи, формировавшиеся в традициях православия, напротив, имели более широкую опору в общественном сознании, но объективно тормозили развитие России.

Йоахим Цвайнерт – доктор экономических наук, старший научный сотрудник Гамбургского института мировой экономики - проделал фундаментальную работу, исследуя развитие экономической мысли в России на протяжении 100 лет, охватывающих большую часть XIX и самое начало XX века. Два с половиной года он отдал изучению материалов библиотек и архивов Санкт-Петербурга и ещё примерно столько же времени - написанию монографии, удостоенной премии Европейского общества истории

экономической мысли «за лучшую книгу» (1, с. 15). Цель своего исследования Й. Цвайнерт сформулировал в форме ответа на вопрос: «почему утверждение рыночной экономики в России на протяжении более 150 лет наталкивается на сопротивление широких слоёв российского общества» (1, с. 23).

Книга Бориса Васильевича Корнейчука - заведующего кафедрой политической экономии Санкт-Петербургского Государственного политехнического университета – посвящена Михаилу Ивановичу Туган-Барановскому (1865-1919) – «самому профессиональному из российских экономистов», по оценке Владимира Сергеевича Автономова во вступительной статье к монографии Й. Цвайнерта (1, с. 12).

М.И. Туган-Барановский был выдающимся учёным, первым среди россиян, оказавшим влияние на развитие мировой экономической науки. Он преподавал политэкономии в Петербургском университете и Петербургском политехническом институте. В 1913 г. работа Туган-Барановского «Основы политической экономии» победила в конкурсе на лучший учебник по политэкономии, проведённом Императорской Академией наук (2, с. 192). Туган-Барановский внёс весомый вклад в подготовку российских экономистов, чей высокий профессионализм проявился в разработке и реализации Новой экономической политики (НЭП) 1921-1927 гг.

Й. Цвайнерт выделяет четыре периода истории экономической мысли в России (1, с. 5, 6, 8, 9): правление Александра I (1805-1825); правление Николая I, конец которого по существу ознаменовала отмена крепостного права (1825-1861), правление Александра II и Александра III (1861-1894) и правление Николая II до русско-японской войны (1894-1905).

Ориентированная на реформирование хозяйственного и общественного устройства российская мысль опиралась на английских классиков политэкономии, начиная с Адама Смита (1723-1790).¹ Вместе с тем, всё большую популярность приобретали ведущие представители экономической мысли стран континентальной Европы, вставших на путь догоняющего Великобританию развития. Во второй половине 1820-х гг. француз Жан Батист Сэй (1763-1832) пришёл на смену А. Смиту в качестве главного авторитета в экономической науке. Но особенно сильным во второй половине XIX в. было влияние немецкой исторической школы, основателем которой был Фридрих Лист (1789-1846). Особого внимания заслуживает успешное использование налогово-бюджетных рычагов воздействия на экономическое развитие страны в конце XIX и начале XX веков.

Историческая школа настаивала на эволюционном характере экономических систем, на необходимости выявления закономерностей народнохозяйственного процесса, специфических для каждой стадии экономического развития и для отдельной страны, в зависимости от обеспеченности ресурсами. Большое внимание уделялось использованию государственной политики для поддержки нарождающейся обрабатывающей промышленности. Всё это имело отклик в российской экономической мысли. Влиянию немецкой экономической мысли способствовало и то обстоятельство, что российские общественные деятели XIX в., как правило, получали или завершали свое образование в немецких университетах.

Й. Цвайнерт особо выделяет тех представителей российской экономической мысли, которые разрабатывали оригинальные передовые концепции в области экономической науки. В силу отсутствия широкого отклика в российском общественном сознании, эти идеи, однако, не оказали существенного влияния ни на хозяйственное развитие России на протяжении большей части XIX в., ни на мировую мысль. Они, тем не менее, остаются актуальными, поскольку отставание в развитии отечественной обрабатывающей промышленности остаётся ахиллесовой пятой в решении проблем социально-экономического развития страны.

---

¹ Первый перевод на русский язык труд А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» осуществил Николай Романович Политковский (в версии Политковского — «Исследование свойств и причин богатств народов»). Перевод опубликован в 1802-1806 гг. по приказу Дмитрия Александровича Гурьева, тогдашнего министра финансов.

Первым учёным-экономистом России Й. Цвайнерт называет Христиана фон Шлёцера (1774-1831), преподавателя политэкономии в Московском университете (1801-1826). Его учебник «Начальные основания государственного хозяйства», написанный по заказу Министерства народного образования (1804-1807) для российских гимназий, использовался и в немецких университетах. Там работа Шлёцера считалась «лучшим учебником» политэкономии первой четверти XIX века (1, с.55).

Учение Х. Шлёцера о «личном капитале», или о «человеческом капитале», по современной терминологии, подчёркивает значение образования, профессионального обучения и профессионального опыта для развития производительных сил. Просвещение являлось актуальной задачей для России, а концепция личного капитала - новым словом в экономической науке. Как отмечает Й. Цвайнерт, Шлёцер рассматривал «материальный и человеческий капитал как нечто однородное и равноправное по своему значению для производства» (1, с. 59).

Разработкой концепции человеческого капитала, (в оригинале «внутренние блага»), знаменит и вклад в экономическую науку Генриха Фридриха фон Шторха (1766-1835) - автора опубликованного в России в 1815 г. труда «Курс политической экономии». Научная деятельность Шторха первоначально была связана с экономико-статистическим исследованием России. Заслуги в этой области были отмечены его избранием в Академию наук (1796). В 1828 он стал президентом Академии, а с 1830 г. и до своей кончины он оставался её вице-президентом.

Теорию внутренних благ Шторха Й. Цвайнерт сравнивал с теорией производительных сил Ф. Листа и утверждал, что «Лист находился под влиянием Шторха» (1, с. 76). Справедливости ради, можно отметить, что Листу удалось выйти на более высокий уровень обобщения идеи о том, что «культурное и экономическое развитие представляют собой процессы, обуславливающие и усиливающие друг друга» (1, с. 77). Лист утверждал, что «способность создавать богатство ... бесконечно важнее богатства самого» (1, с. 106). Эта формула находит своё подтверждение в истории 20-го века. Были 1920-е годы быстрого восстановления после Первой мировой и Гражданской войн в России, а после Второй мировой войны - немецкое и японское чудо возрождения.

Самым значительным российским мыслителем-экономистом первой четверти XIX в. Й. Цвайнерт называет (1, с. 96) адмирала Николая Семёновича Мордвинова (1754-1845). Интерес военного моряка к экономическим проблемам связан с годами учёбы в Англии (1774-1777). А. Смит, труд которого «Богатство народов» был опубликован в это время, и Джереми Бентам (1748-1832) - крупнейший теоретик политического либерализма - способствовали формированию его общественно-экономических взглядов. Цвайнерт выявил также влияние Шторха на взгляды Н.С. Мордвинова (1, с. 100). В 1810 г. Мордвинов был назначен председателем департамента государственной экономии и входил в круг ближайших советников Александра I (1777-1825). В 1823 г. Мордвинов был избран президентом Вольного экономического общества (1, с. 97).

В брошюре «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе» (первое издание - 1815, второе - 1816 и третье - 1833 г.) Мордвинов объяснял экономическую отсталость России чрезмерной специализацией на производстве сельскохозяйственной продукции.² Аграрная нация, утверждал он, остаётся не только экономически недоразвитой и политически зависимой от других стран, она ещё по своему культурному уровню уподобляется народам «дикого пастырского состояния». Само сельское хозяйство без промышленного производства не может рассчитывать на повышение производительности труда (1, с. 100).

---

² Ограничение производства узкой номенклатурой товаров в современных условиях является показателем отсталости, а не следствием тенденции к углублению международного разделения труда. Оно отрицательно сказывается на развитии производительных сил и на положении страны в системе мирового хозяйства, особенно, когда речь идёт о сырьевой специализации. Чрезмерная зависимость современной России от экспорта углеводородов также подтверждает это положение.

Здесь же он обосновывает необходимость таможенной защиты молодых отраслей, пока они не накопят достаточно опыта для соревнования на равных с промышленностью передовых стран. Пример Англии, которая сама на протяжении двухсот лет проводила протекционистскую политику, показывает - утверждал Мордвинов - насколько долгим может быть процесс обучения производству (1, с. 104).

Другая брошюра Мордвинова, «Рассуждение о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков» (также выдержавшая три издания в 1816, 1817 и 1829 гг.) нацелена на улучшение рамочных условий хозяйствования. Частная собственность и законность представлялись автору фундаментом экономического процветания (1, с. 101).

Мордвинов - автор многих служебных записок, в которых он выступает за активную промышленную политику, обосновывает необходимость строительства железных дорог в России (там же). Творческое наследие адмирала составляет более 5000 страниц. По мнению Й. Цвайнерта, «Мордвинов впервые сформулировал обычно приписываемую Листу идею о том, что молодые отрасли промышленности развивающихся народных хозяйств нуждаются в таможенной защите, поскольку обрабатывающие промыслы индуцируют процессы обучения, имеющие решающее значение для экономического развития нации» (1, с. 106).

Декабристы прочили Мордвинова и Михаила Михайловича Сперанского (1772-1839) – автора плана либеральных преобразований при Александре I - возглавить переходное правительство, наделённое диктаторскими полномочиями на 10-15 лет (1, с. 97). Восстание декабристов роковым образом повлияло на отношение Николая I (1796-1855) ко всем либералам, входившим в круг советников Александра I. Когда же идеи Мордвинова во второй половине XIX века оказались востребованными, правительство России опиралось на идеи Ф. Листа.

Другой парадокс в судьбе Мордвинова состоит в том, что декабристы хотели доверить управление человеку, который был решительным противником немедленного освобождения крепостных крестьян. «Людам, отвыкшим за столетия бесправия от свободы, можно было бы подарить её немедленно, но потребуется время, чтобы научить их осмысленно пользоваться этой свободой», - так мотивировал свою позицию граф Мордвинов. (1, с. 103). Декабристы делали ставку на него, возможно, потому, что революционеры-романтики нуждались в услугах реалиста-реформатора, понимавшего, что экономические проблемы не решаются наскоком, а требуют осуществления долгосрочной выверенной стратегии.

Особенность просвещенного абсолютизма состоит в убеждённости, что реформы можно проводить только сверху, а рост оппозиционных настроений в обществе склоняет самодержца к ужесточению режима. История России XIX в. даёт тому многократные подтверждения. В частности, так можно объяснить консервативный поворот в политике Александра I, совпавший по времени с формированием в 1816 г. тайного общества «Союза спасения» - первой ячейки движения декабристов.

Раньше всего этот поворот проявился в области высшего образования. В 1817 г. Министерство народного просвещения было объединено с ведомством духовных дел. Это означало, - пишет Й. Цвайнерт, - подведение под науку религиозного фундамента с целью противодействия «революционным проидам» (1, с. 44). В инструкции Казанского университета от 1819 г. было записано: «Цель правительства в образовании студентов состоит в воспитании *верных сынов православной церкви*, верных поданных государю, добрых и полезных граждан отечеству» (там же).

Николай I, несмотря на испуг от восстания декабристов, в начале своего правления был настроен на реформы, которые должны были подготовить отмену крепостного права. Из допросов декабристов был сделан вывод, что для пресечения зла вольнодумства необходимо изъять политическую экономию из учебных планов. Хотя до этого дело не

дошло, экономическая наука, как отмечает Й. Цвайнерт, пострадала от государственной опеки в большей степени, чем другие общественные дисциплины (1, с. 130).

Революции во Франции (1830 и 1848 гг.), нашедшие отклик в Восточной Европе, а также участвовавшие в этот период крестьянские восстания в России, отвернули Николая I от реформ и превратили его царствование в деспотию, при которой, по выражению Георгия Валентиновича Плеханова (1856-1918), «застой был возведён в догмат» (1, с. 122). В XX веке такую оценку заслужил сложившийся после подавления «Пражской весны» в 1968 г. режим правления в СССР.

В 1833 г. министром просвещения был назначен Сергей Семёнович Уваров (1786-1855), предложивший строить образование в России на принципах православия, самодержавия и народности (1, с. 125). Эта формула весьма напоминает ранее приведённую выдержку из инструкции Казанского университета. При Уварове стал приносить плоды курс на подготовку отечественной профессуры и учёных, для чего всё более значительное число способных студентов отправлялось для завершения образования за границу. Это, однако, совмещалось с изъятием из учебных программ ряда общественных дисциплин и ужесточением цензуры.

Руководство Уварова российским просвещением выглядит предпочтительным на фоне усилий пришедшего на этот пост в 1849 г. Платона Александровича Ширинского-Шихматова (1790-1853), запретившего приём в университеты лиц недворянского происхождения. Он стал персонажем анекдота, согласно которому его назначение означало не только «шах», но и «мат» российской системе образования (1, с. 126).

Российская общественная мысль второй четверти XIX в. знаменуется расцветом славянофильства, а экономическая политика - курсом министра финансов Георга Канкрина.

Позиция славянофилов, отмечает Й. Цвайнерт, опиралась на идеализацию русского средневековья. Речь идёт о том, что в России вплоть до XVIII в. существовало полное единение государства и церкви, которое в столь экстремальном виде не наблюдалось больше нигде в христианском мире (1, с. 34). Предпосылкой для европеизации России было усечение власти русской православной церкви, которое осуществил Петр I (1, с. 38).

Славянофилы видели в реформах Петра I (1672-1725), правившего в 1689-1725 гг., обреченную на неудачу попытку вынудить Россию идти по пути развития, который ни в коем случае не отвечал ее культурным и, особенно, религиозным традициям (1, с. 128). Славянофилы считали неизбежной гибель Западной Европы в силу расслоения общества под влиянием развития капитализма. В планах поддержания единства общества особую роль они отводили сохранению сельской общины. Этот взгляд во второй половине XIX в. восприняли народники. В общине, предотвращающей как противоречия между трудом и капиталом, так и раздробление земельной собственности, идеолог славянофилов Алексей Степанович Хомяков (1804-1860), видел решение обеих проблем. Критический тезис о том, что община тормозит прогресс, Хомяков оспаривал, и, во всяком случае, не считал его важной преградой (1, с. 177).

В 1857 г. в дискуссии между славянофилами и либералами по поводу сельской общины неожиданно для многих вмешался Николай Гаврилович Чернышевский (1828-1889), до того известный как литературный критик. Совершенно так же, как и либералы, Чернышевский считал, что община есть «общая человеческая принадлежность известного периода жизни каждого народа». То обстоятельство, что она сохранилась в России, свидетельствует об экономической отсталости страны. Однако Чернышевский выступил за её сохранение, усматривая в ней основу перехода к высшей стадии развития, минуя капитализм.

У отставшего народа есть возможность (благодаря влиянию передовой нации) перескочивать с низшей на высшую ступень, минуя средние ступени развития. Это диалектическое обоснование, пропагандируемое еще Александром Ивановичем Герценом (1812-1870), оказало большое влияние на интерпретацию учения Карла Маркса (1818-

1883) в России в 1870-1880 гг., и стало стержнем идеологии народничества (1, с. 203-204). По мнению Й. Цвайнерга, влияние левой интеллигенции, и, прежде всего, Чернышевского, привело к резкому снижению уровня экономической науки (1, с. 207).

Георг Канкрин (1774-1845) в качестве министра финансов России проводил в 1823-1844 гг. экономическую политику, соответствующую принципам славянофильства. Состояние западного общества Канкрин определял как «извращенное» или «болезненное». Указывая на наблюдавшиеся в Западной Европе признаки экономического и социального кризиса, он отвергал все, что могло бы способствовать развитию промышленности в России. Выступал против строительства железных дорог, создания частных банков и акционерных обществ. Был сторонником протекционизма, целью которого было обеспечение автаркического развития и защита страны от международных экономических кризисов (1, с. 165-166). Ныне, когда под влиянием рецессии 2008-2009 гг. стала пользоваться большим влиянием позиция противников глобализации, уместно напомнить о пагубных для России последствиях политики Канкринина.

Наследник трона Александр II (1818-1881), активно участвовавший в реакционной политике своего отца, в последний период правления Николая I под воздействием поражения в Крымской войне превратился в реформатора. Сразу после своей коронации он отменил некоторые особенно одиозные законы, в особенности, касавшиеся образовательной политики и цензуры. Но, прежде всего, в 1856 г. он дал обещание освободить крестьян. Лучше отменить крепостное право «сверху», поскольку иначе грозило неконтролируемое освобождение «снизу» (1, с. 129).

Правление Александра II ознаменовалось ускорением экономического развития по ряду направлений: так, финансовый сектор стал бурно развиваться после образования в 1860 г. Российского государственного банка. После того как правительство в конце 1860-х гг. передало права на строительство и эксплуатацию железных дорог частным обществам, наступила фаза активного строительства дорог и формирования акционерных компаний. Однако это развитие прервалось широкомасштабной рецессией 1873 г. и тяжелым кризисом в железнодорожном хозяйстве в конце 1870-х, что повлияло на всеобщую стагнацию 1880-х гг.

Для 1860-1870-х гг. была характерна сравнительно либеральная внешнеторговая политика. Но тяжелое положение, в котором оказалась экономика страны, потребовало поворота к протекционизму, осуществленного с назначением в 1882 г. министром финансов Николая Христиановича Бунге (1823-1895).

Научным фундаментом финансовой политики Бунге послужила его собственная академическая карьера в Киевском университете, ректором которого он стал в 1859 г. В 1870 г. вышло в свет его главное теоретическое произведение – «Основания политической экономии». В методологическом отношении Бунге были близки зарубежные представители так называемого историко-статистического направления.

Он высоко оценивал труды американского экономиста Генри Чарльза Кэри (1793-1879), которому удалось выявить положительную взаимосвязь между экономическим развитием и жизненным уровнем рабочих, показав, что оплата труда возрастает быстрее, чем вознаграждение за капитал (1, с. 246-247). Речь шла о тенденции, которая проявилась в США, раньше, чем в других странах. Для Бунге это было важным аргументом в споре со сторонниками социалистического пути развития, утверждавшими, что развитие капитализма сопровождается обнищанием трудящихся.

Й. Цвайнерг отмечает особые заслуги в развитии экономической науки в России Киевского университета. Его, в отличие от университетов Центральной России, не затронуло разрушительное влияние на экономическую науку русской левой интеллигенции, и, в особенности, Чернышевского. Сыграло свою роль и реальное историческое развитие: на Украине община была ликвидирована раньше, чем в Центральной России, что сразу же повлекло за собой повышение производительности

труда. Поэтому в Киеве стала очевидна бесплодность попыток сохранения общинного землевладения (1, с. 260).

Бунге выступил инициатором роспуска сельской общины, передачи земли крестьянам и уменьшения для них налогового бремени путём отмены подушной подати (1882-1886 гг.). Уже в XX в энергично этот курс продолжил Пётр Аркадьевич Столыпин (1862-1911) (1, с. 260-261).

Преемник Бунге на посту министра в 1887-1892 гг. Иван Алексеевич Вышнеградский (1832-1895) в целях санации бюджета поднял косвенные налоги на товары повседневного спроса. Эта мера вынудила крестьян продавать всё большую часть урожая, что способствовало бюджетному профициту, росту экспорта зерна, благоприятствовало достижению положительного сальдо торгового баланса и стабилизации внешнего курса рубля. Российская экономика в 1887-1888 гг. оказалась в русле общего подъёма мировой конъюнктуры. Однако неурожай 1891 г. при низких запасах зерна у крестьян вызвал массовый голод. Когда Вышнеградский наложил запрет на экспорт зерна, это было воспринято как факт признания провала политики, что вынудило его уйти в отставку (1, с. 214-215).

В 1892 г. министром финансов стал граф Сергей Юльевич Витте (1849-1917). Он сделал свою карьеру в Юго-Западном железнодорожном обществе и незадолго до назначения министром стал директором департамента железных дорог в министерстве финансов. Программа Витте, как отмечает Й. Цвайнерт, в политическом отношении ориентировалась на стиль «железного канцлера» Германии Отто фон Бисмарка (1815-1898), а в теоретическом – на «Национальную систему политической экономии» Ф. Листа. (1, с. 280).

Именно под влиянием Листа Витте превращается в энергичного сторонника индустриализации, о чём свидетельствует изданная в 1889 г. в Киеве его брошюра «Национальная экономия и Фридрих Лист» (1, с. 288). Ему также были близки взгляды киевской школы экономической мысли. Своим ближайшим советником Витте назначил ученика Бунге Дмитрия Ивановича Пихно (1853-1913) (1, с. 260). В противовес позиции министерства внутренних дел в лице Вячеслава Константиновича Плеве (1846-1904), настаивавшего на отказе от индустриализации по причине её несовместимости с самодержавием, Витте совершенно в традициях Петра I усматривал в индустриализации единственное средство поддержания политической и экономической конкурентоспособности России (1, с. 280).

Финансовая политика Витте была нацелена на перераспределение экономических ресурсов от частного сектора к государственному. Среднегодовые темпы прироста средств государственного бюджета за время его пребывания на посту министра финансов (1892-1903) составили 10,5%. Этот рост финансировался за счёт косвенного налогообложения важных потребительских товаров и государственной монополии на продажу спиртного. Сеть железных дорог при Витте вновь по большей части перешла в руки государства, и её протяженность увеличилась на 86%. При этом удалось обеспечить превышение доходов над расходами государственного бюджета, создать значительные золотые резервы и вернуться к золотому обеспечению рубля в 1897 г. (1, с. 281).

Реформы Витте стали возможны благодаря авторитарному стилю правления, ибо они не пользовались общественной поддержкой. В частности, валютная реформа не была одобрена Государственным Советом. Соответствующий акт получил законодательную силу царским указом. Черета успехов политики Витте была прервана тяжёлым экономическим кризисом (1899 г.). Однако основной причиной почётной отставки с поста министра финансов в 1903 г. (в том же году он был назначен председателем Кабинета министров) стало несогласие с агрессивной захватнической политикой на Дальнем Востоке. Сокрушительное поражение России в Русско-Японской войне (1905 г.) полностью подтвердило правильность его предостережений и принесло ему симпатии населения (1, с. 282).

Значительное внимание Й. Цвайнерт уделяет марксистскому влиянию на экономическую мысль в России. Россия была первой страной, где был издан перевод «Капитала» Карла Маркса. (1, с. 266). Первый том «Капитала» был опубликован в России в 1872 г., второй – в 1885 и третий – в 1896. Царская цензура разрешила издание как произведение «строго научное, тяжёлое и малодоступное» (1, с. 225). Перевод был осуществлён Николаем Франциевичем Даниельсоном (1844-1918).

Даниельсон первым среди народников выдвинул и аргументировал в 1880 г. тезис о том, что капитализм в России, не успев пережить фазу расцвета, уже пришёл в упадок (1, с. 290). Автор перевода состоял, начиная с 1868 г., в регулярной переписке с Марксом и Фридрихом Энгельсом (1820-1895), снабжая их русской политической и экономической литературой, в том числе, произведениями Чернышевского (1, с. 290).

Маркс с начала 1870-х годов надежды на социалистическую революцию связывал уже не с Западной Европой, а с Россией. Под влиянием теорий Чернышевского он выступил на стороне народников в споре с российскими социал-демократами относительно использования русской общины как базы построения социализма, минуя капитализм. Быстрая адаптация взглядов Маркса к политическим потребностям России свидетельствует о том, по мнению Й. Цвайнерта, что «его вряд ли можно воспринимать как учёного, стремившегося к объективности» (1, с. 230). В этом Цвайнерт солидарен с Петром Бернгардовичем Струве (1870-1944), полагавшим, что Маркса не в меньшей степени, чем народников, можно обвинить в «смертном грехе» смешивания желаемого с действительным (1, с. 316).

Цвайнерт считает, что Даниельсон искажил теоретические взгляды Маркса, переведя немецкое слово *Wert* как «стоимость», а не как «ценность». Тот факт, что Маркс назвал перевод «Капитала», выполненный Даниельсоном мастерским, говорит, по мнению Й. Цвайнерта, о слабом знании Марксом русского языка.

Струве в предисловии к своему переводу «Капитала» (1899) выразил обоснованное недоумение по поводу того, что Даниельсон не осознал нелепость понятия «потребительная стоимость». То, что данная ошибка воспроизводилась в советских переводах, Цвайнерт объясняет тем, что труды Струве в СССР были запрещены и что Владимир Ильич Ленин (1870-1924), как и Даниельсон, был «не слишком силён ни в экономической теории, ни в немецком языке» (1, с. 225). Ленин некритично воспринял перевод Даниельсона, а исправление Даниельсона влекло за собой правку Ленина, что в советское время «исключалось ... само по себе» (там же).

Туган-Барановский в заметке «Русские переводы I тома Капитала Маркса» утверждает, что термин «ценность» выражает полезность, а «стоимость» отражает затраты. Одобряя перевод Струве, Туган-Барановский полагает, что во всех случаях немецкое *Wert* следует переводить как «ценность», и что для понятия «стоимость» Маркс употребляет слово *Kost*. Туган-Барановский проводит параллель с английскими терминами *Value* и *Cost*, первое из которых следует, по его мнению, переводить как ценность, а второе - как стоимость (2, с. 118-119).

На самом деле, в соответствии с учением Маркса о двойственной природе труда, следует различать конкретный труд (ткача, швеи и т.д.), создающий вещь, пригодную для потребления, и абстрактный труд, затрачиваемое рабочее время, от которого зависит стоимость как основа для эквивалентного обмена товаров, удовлетворяющих разные потребности. Что касается терминов немецкого *Kost* и английского *Cost*, то они однозначно означают затраты, издержки или стоимость, тогда как использование Марксом немецкого *Wert* или английского *Value* связано с учением о двойственном характере труда.

По мере движения предмета труда по технологической лестнице от сырья до готовой продукции возрастает потребительная ценность изделия и в то же время растут затраты на его изготовление и, соответственно, повышается его стоимость. Например, стальной лист или лента, а тем более, корпуса изделий, изготовленные из них, обладают и большей

ценностью для потребителя, и большей стоимостью, так как их изготовление связано с большими затратами по сравнению с отливками стали.

Wert и *Value* могут в зависимости от словосочетания и контекста означать и ценность, и стоимость. Туган-Барановский прав, считая, что термин *Gebrauchswert* следует переводить как потребительная ценность, и неправ, когда считает, что термин *Tauschwert* означает меновую ценность, а не меновую стоимость или просто стоимость. Так же неправ он, когда заявляет, что термин *Value* всегда следует переводить как ценность. Например, современный английский термин *Value Added Tax (VAT)* переводится как «налог на добавленную стоимость» (НДС), а не на добавленную ценность, поскольку размер налога соотносится не с возросшей полезностью товара, но со стоимостной оценкой затрат труда и капитала. Утверждение Туган-Барановского об однозначном переводе слова *Value* не соответствует и интерпретации значений слова в толковом словаре английского языка.³

Струве, как пропагандист марксизма, внёс значительный вклад в борьбу с утопическими взглядами народников, противившихся развитию капитализма в России. Й. Цвайнерт представляет Струве как основоположника легального марксизма, сторонника построения социализма на основе капиталистического развития. Он относит Струве, также как Туган-Барановского, Владимира Карповича Дмитриева (1868-1913) – основоположника экономико-математической школы в России и Николая Дмитриевича Кондратьева (1892-1938) – автора концепции больших циклов экономической конъюнктуры, названных его именем, - к числу самых значительных русских экономистов конца XIX - начала XX в.

«Вся современная материальная и духовная культура, - писал Струве,- связана с капитализмом: она выросла вместе с ним или на его почве» (1, с. 309). «Вера в то, что народ с таким низким уровнем культуры, как русский, - утверждал основоположник легального марксизма в 1894 г., - может избежать школы капитализма, является свидетельством какого-то национального ослепления» (1, там же).

Взгляды Струве, как легального марксиста, в отличие от ортодоксов-ленинцев, уверовавших в непогрешимость Маркса, развивались с учётом достижений мировой экономической мысли, особенно немецкой исторической школы как старшего, так и младшего поколения. Струве не мог не разойтись с ортодоксальными марксистами, чья гносеологическая позиция подходила для Средневековья, а не для XX века. Внимание Струве в марксизме и в исторической школе экономической мысли привлекала теория социально-экономической эволюции. «Струве ссылаясь на Маркса, чтобы пропагандировать идеи Листа», - заявляет Цвайнерт (1, с. 340).

В своём изложении «историко-экономического материализма» Струве замещает понятие «классы» термином «социальные группы». Он дистанцируется от трактовки Маркса и Энгельса государства как инструмента классового господства, полагая его инструментом общественного порядка (1, с. 310-311). Итог эволюции взглядов Струве определённо выражен словами: «Если мы под марксизмом будем разуметь, безусловно, объективную, часть воззрений Маркса..., то мы должны допустить, что можно быть марксистом, не будучи социалистом» (1, с. 310). Струве не дожил до того времени, когда те, кто называет себя социалистами, больше всего боятся быть заподозренными в марксистских взглядах.

Вслед за Струве Цвайнерт излагает взгляды Туган-Барановского, называя его «первым из русских экономистов», добившегося мирового признания (1, с. 322). Место Туган-Барановского в развитии экономической мысли ярко высветил его ученик Н.Д. Кондратьев: «Западная мысль не считалась с развитием экономической теории в России, чего нельзя сказать по отношению к другим отраслям нашей науки и культуры. Можно смело утверждать, что М.И. (Туган-Барановский) в области экономической теории был

---

³ Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. – N.Y., Gramercy Books, 1989, p. 1578.

первым, кто заставил европейскую мысль серьёзно прислушаться к движению её на востоке Европы, в России ... это обуславливает *национальное* значение М.И.» (2, с. 159).

Хотя экономические взгляды Туган-Барановского развивались под влиянием марксизма, уже в 1899 г. в статье «Основная ошибка теории абстрактной теории капитализма Маркса» он выступил с критикой марксистской трудовой стоимости («ценности» в его интерпретации). Существо его позиции нашло отражение в его учебнике «Основы политической экономии», издававшемся в 1909, 1911, 1915, 1917 и 1918 годах. (1, с. 327). Он писал: «К верной мысли, что продукт можно рассматривать, как произведение только труда человека, присоединена совершенно неверная мысль, что только труд создаёт ценность продукта» (1, с. 337).

Туган-Барановский утверждал, что сила Маркса не столько в экономике, сколько в социологии. Социологическое значение теории ценности состоит в обосновании на её основе положения о том, что прибыль представляет неоплаченную часть труда рабочих и что рабочий имеет право на продукт производства. «Этому праву Маркс думал создать объективную основу в своей теории ценности, но это ему не удалось» (2, с. 96).

Марксистской теории ценности Туган-Барановский противопоставил свою социальную теорию распределения. Согласно последней, величина заработной платы определяется двумя факторами: производительностью труда и соотношением сил между капиталистами и наёмными работниками в «распределительных битвах». Й. Цвайнерт усмотрел в социальной теории распределения Туган-Барановского готовность «подчинить теоретическое мышление мировоззрению» и оценил эту концепцию как «низшую точку его теоретического творчества» (1, с. 339). Данная концепция в своё время не была оценена по достоинству и, судя по критическому замечанию Й. Цвайнерта, не воспринята до сих пор.

Между тем, статистика роста ВВП в развитых странах и распределения ВВП на трудовые доходы и доходы от капитала эмпирически подтверждают правоту концепции Туган-Барановского. Во-первых, вековая тенденция состоит в том, что ВВП растёт в основном за счёт повышения производительности труда и что трудовой доход растёт быстрее дохода от капитала, а капитал растёт быстрее, чем численность рабочей силы. В развитых странах, в отличие от стран, только вступивших на путь индустриализации, именно труд, а не капитал является лимитирующим фактором производства. Развитые страны являются чистыми импортёрами рабочей силы и экспортёрами капитала.

Во-вторых, в соответствии с современной концепцией больших циклов экономической конъюнктуры (длинных волн экономического развития), соотношение сил в «распределительных битвах» зависит от соотношения конструкторской и технологических ветвей НТП. Первая является ресурсоёмкой, вторая – ресурсосберегающей. Первая преобладает в восходящей волне большого цикла, ведёт к долговременному снижению нормы безработицы и, соответственно, укрепляет позиции труда в распределении добавленной стоимости. Вторая - преобладает в нисходящей волне, ведёт к длительному повышению нормы безработицы и укрепляет позиции капитала в разделе добавленной стоимости.

Наиболее высокую оценку Цвайнерта заслужил вклад Туган-Барановского в разработку концепции среднесрочных экономических циклов, или, как её обычно называют, теории кризисов. Между тем, именно Туган-Барановский ввёл понятия «фазы спада». Он полагал, что регулярное явление в динамике капиталистического промышленного производства в форме периодических сокращений, не всегда заслуживает наименования «кризис», а лишь тогда, когда рецессия проявляет себя внезапно «подобно буре».⁴ Позднее Джон Мейнард Кейнс (1883-1946) определил явление кризиса как «внезапную и резкую смену повышательной тенденции понижательной».⁵

⁴ Цит. по: Mitchel W.C. Business Cycles. The Problem and It's Setting. – N.Y., NBER, 1930, p. 379.

⁵ Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М., Гелиос АРВ, 1999, с. 290.

Книга Туган-Барановского «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшие последствия на народную жизнь» (1894), была его первой работой на экономическую тему. По ней он защитил магистерскую диссертацию в Московском университете. Над диссертацией он работал в 1892 г. в Библиотеке Британского музея в Лондоне, а затем - в Императорской Публичной библиотеке в Петербурге, где ему оказывал содействие помощник библиотекаря Учёного комитета П.Б. Струве (2, с. 189). В дальнейшем работа неоднократно переиздавалась: второе и третье издание (1900 и 1914) выходили в переработанном виде. В 1923 г. в СССР было перепечатано третье издание, и больше здесь книга не переиздавалась. В России новое издание вышло в 1997 г.

Туган-Барановский связывал развитие промышленного цикла с созданием нового основного капитала, которое происходит «не постепенно, а периодическими толчками» (1, с. 344). Он различал накопление капитала в денежной форме и формирование реального капитала. Первое не предъявляет спрос на ресурсы и, тем самым, тормозит рост ёмкости рынка, пока не создадутся условия для его преобразования в реальный капитал. С ростом вложений в основной капитал производство само создаёт себе рынок. По Туган-Барановскому, спад становится неизбежным, когда в фазе подъёма соотношение скорости накопления денежного и реального капитала меняется на противоположное: расширение производства осуществляется до тех пор, пока не будут израсходованы денежные капиталы (1, с. 344).

Теория среднесрочного цикла первоначально не привлекла к себе внимания в России, но, как отмечает Цвайнерт, сполна окупилась старания Туган-Барановского по переводу своего произведения на немецкий язык (1, с. 344-345). Практически все видные западные исследователи экономических циклов первой половины XIX в. высоко оценивали вклад в экономическую теорию концепции циклов Туган-Барановского. Имена Артура Шпитгофа (1873-1957), Вернера Зомбарта (1863-1941), Джона Мейнарда Кейнса (1883-1946), далеко не исчерпывают список тех, кто, как и Кейнс, испытал «сильную симпатию» к своему «в высшей степени оригинальному» предшественнику (1, с. 345).

Отношение к Туган-Барановскому в советской печати связано с политическими взглядами учёного. Февральскую революцию 1917 г. он принял с энтузиазмом. Туган-Барановский покинул Россию после Октября и перебрался на Украину. Он знал Ленина лично и представлял, что от него ожидать (1, с. 327). По воспоминаниям П.Б. Струве, Туган-Барановский испытывал к Ленину неудержимую антипатию. «Он с изумлением, граничащим с ужасом, рассказывал, как не похож был Александр Ульянов на своего брата Владимира. Первый, при всей своей моральной чистоте и твёрдости, был чрезвычайно мягкий и деликатный человек в обращении даже с незнакомыми и врагами, тогда как резкость второго была поистине равносильна жестокости» (2, с. 202). Ортодоксальные марксисты осуждали легальных марксистов, включая и Туган-Барановского, как ревизионистов.

Последним, чей вклад в российскую экономическую мысль оценил Цвайнерт, был Сергей Николаевич Булгаков (1871-1944). Взгляды Булгакова проделали эволюцию от марксизма до славянофильства, подтвердив, как считает Цвайнерт, силу влияния православия на движение российской общественной мысли. В 1896 г. Булгаков называл марксизм многообещающим «путём с востока на запад». Одиннадцать лет спустя, проделав путь «с запада на восток», он противопоставил «западничеству» идеал русского средневековья. Булгаков заклеил «новый, гуманистический век», как пагубную «множественность без единства» (1, с. 354).

Тезис Булгакова о неизбежности возвращения к типично русским традициям, по мнению Цвайнерта, находит впечатляющее подтверждение в постсоветской России. Разочаровавшись в реформах начала 1990-х гг. многие российские экономисты с середины того же десятилетия «отрекаются от западных идеалов и всё чаще принимаются за поиски отечественной экономической доктрины» (1, с. 354-355). Первая попытка в этом направлении, считает Цвайнерт, была предпринята в 1996 г. в связи со 125-летием

Булгакова на конференции «Творческое наследие С.Н. Булгакова и современное социально-экономическое знание». Высшей точкой движения «на восток» Цвайнерт полагает выступление Леонида Ивановича Абалкина на конференции «Российская школа экономической мысли» (2000). Он выделяет тезис Абалкина, что решающим признаком российской школы следует считать «примат высших государственных и тем самым социально оправданных (народно-хозяйственных) интересов над индивидуальными (интересами)... во всех научных построениях и рекомендациях» (1, с. 358).

В заключении можно отметить, что Цвайнерту удалось убедительно показать, что так называемое «славянофильское» направление российской экономической мысли тормозило и продолжает оказывать негативное влияние на решение проблем экономического развития в России. Книга Б.В. Корнейчука в определённой мере дополняет характеристику «западнического» течения русской экономической мысли в лице Туган-Барановского.

Представляется, однако, что ещё более существенен тот факт, что Россия не успела накопить, а затем и основательно забыла опыт формулирования социально-значимых целей развития, совместимых с рыночной экономикой, а также опыт достижения поставленных целей методами налогового стимулирования, а не административного принуждения хозяйствующих субъектов. Изучение опыта, накопленного передовыми странами, могло помочь в этом отношении.

Пока, однако, Россия предпочитает методом собственных проб и ошибок продвигаться к тому, что в условиях открытой экономики, использующей преимущества международного разделения, нужно находить способы обеспечивать полную занятость трудоспособного населения всей страны, а не в отдельных регионах или зонах, причем не в ущерб повышению эффективности производства. Именно такая цель лежит в основе решения всех социальных задач и достаточно конкретна, чтобы отслеживать её исполнение.

Кризис мировой экономики конца 2008 и начала 2009 гг. оказался настолько сложным по своей природе, что даже умудрённые опытом управления рыночной экономикой страны не могут найти эффективного решения возникших проблем. Некоторые из них идут по пути симптоматического лечения терпящей бедствие экономики путём субсидирования банковской системы и других мер по оживлению потребительского спроса. Между тем, трудно повлиять на поведение потребителей, потерявших работу или ощущающих угрозу стать безработными.

Трудности, с которыми столкнулись развитые страны, когда наступило время рецессии среднесрочного цикла, связаны не только с неоправданно рискованными финансовыми операциями. В первую очередь, обострилась конкуренция за рынки сбыта и источники сырья, поскольку соотношение сил в мировой экономике за последнее десятилетие резко изменилось в пользу развивающихся стран (КНР, Индия), и продолжает изменяться в том же направлении. Для того, чтобы капитал не убежал в страны с дешёвой рабочей силой, а создавал рабочие места в G7, необходимо снижать ставки налога на прибыли корпораций в обрабатывающей промышленности. Именно обрабатывающая промышленность является основой модернизации всей экономики и создания условий для высококвалифицированной занятости населения.

Потери госбюджета от снижения налогов на доходы могут быть компенсированы прогрессивным налогообложением эксплуатации ресурсов и личного потребления. Это необходимо для стимулирования экономного и рационального использования ресурсов, защиты окружающей среды и инвестирования основной части сбережений в производственные фонды.

Дело не только в том, чтобы найти адекватные сложившейся ситуации решения и осуществить необходимые расчёты для формирования выверенной стратегии, но и в сложности объяснить избирателям, что путь к благополучию оказывается не столь прямым, как обещали в пылу предвыборной гонки (обложить богачей более высокими

налогами). Чтобы обеспечить занятость в развитых странах, необходимо снизить ставки налога на прибыль. Это необходимо, чтобы ТНК могли получить не меньшую отдачу на свои инвестиции в развитых странах по сравнению с капиталовложениями в экономику развивающихся регионов мира.

Сказанное в полной мере относится и к России. Необходимо иметь в виду, что относительная, по сравнению с развитыми странами, дешевизна трудовых и сырьевых ресурсов в России, делает экономию от применения передовой техники в стоимостном выражении небольшой, чтобы оправдать расходы на приобретение и эксплуатацию новейшей техники. Катастрофически высокий износ и возраст техники в российской промышленности – наглядное свидетельство тому. Повышение страховых отчислений при найме рабочей силы, могло бы стимулировать применение трудосберегающей техники, также как повышение налогов или акцизов на сырьё и топливо – обеспечило бы материал- и энергосбережение, а также защиту окружающей среды. Необходимо также введение прогрессивного налогообложения недвижимого имущества. Именно в этом, а не в возврате к прогрессивному обложению доходов, следует искать решение проблемы справедливого распределения налогового бремени без ущерба для стимулирования трудовой и предпринимательской активности.

Для поощрения вложений в основной капитал обрабатывающей промышленности необходимо снизить ставку налогов на прибыли в этой сфере народного хозяйства в такой степени, чтобы, например, нефтедобывающие компании вкладывали средства развитие и модернизацию нефтепереработки, а не рассчитывали на государственное финансирование в рамках государственно-частного партнёрства или искали объекты для вложения за рубежом. Сейчас прибыль в добыче нефти и природного газа благодаря природной ренте настолько высока, что проблему развития российской обрабатывающей промышленности (и проблему занятости населения в дотационных регионах), где норма прибыли несколько раз ниже, никакими административными мерами не решить.

Короче, необходима перезагрузка российской налоговой системы, перенесение тяжести налогов с доходов на потребление. Вот почему необходимо снижать ставку налога на прибыль, а не на добавленную стоимость.

01.06.09